

С. Л. ФРАНК И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Уже давно ползли зловещие слухи о тяжком недуге, приковавшем славного русского мыслителя и ученого к одру болезни, с которого ему не суждено было встать. И тем не менее, несмотря на ожидание неизбежной катастрофы, великая скорбь объяла души всех подлинно культурных русских людей, когда «свершилась»...

Почивший философ принадлежал к той, ныне как будто бы окончательно прекратившей свое существование категории мыслителей, для которых творчество в области духа означало в то же время самому творить из себя прекрасную в духовном отношении личность, возрастающую в добре, благородстве и неподкупной, не идущей ни на какие открытые или скрытые сделки с совестью ради материально-житейского благополучия или презренных лавров уличной популярности. Есть что-то величавое, библейски грандиозное во всем моральном облике С. Л. Франка. Философская лира его всегда была настроена согласно принципу, высказанному Пушкиным:

Служенье муз не терпит суety,
Прекрасное должно быть величаво.

В этом смысле не только творения ушедшего в вечность автора «Предмета знания», но весь его внутренний и внешний облик есть живой, воплощенный укор кумиру современности, для которого Бернарос нашел вполне соответствующее наименование: *н и з о с т ь*.

На философском и житейском знамени С. Л. Франка написан был совсем иной и ныне все «вышедший из моды» девиз: величие и возвышенность.

Вот почему ему одному и можно было выступить с обличающим словом библейского пророка против кумира и ку-

миров современности в «Крушении кумиров». Этим кумирам, которым раньше подчас служили многие по недомыслию, теперь же, то есть после того, как эти кумиры залили мир кровью и убили в нем всякую свободу, которой на словах будто бы служили, им могут служить только «сожженные в своей совести» люди, или же малодушные трусы. Заметим, кстати, что этих трусов, «боязливых» по выражению слова Божия (Откр. 21, 8), участь та же, что «несверных, и скверных и убийц, и любодсев и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов — участь в озере горящем огнем и серою; это — смерть вторая».

В ранней молодости (чего только не взбредет в молодую, пусть высоко одаренную голову?) С. Л. Франк был искушаем от кумиров современности, но эти кумиры скоро услышали от него евангельские слова: «Отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему покланяйся и Ему одному служи» (Мат. 4, 10). Но сверх природного дара библейско-евангельского благочестия и веры С. Л. Франк был в изобилии наделен тем редчайшим даром, который ныне уходит окончательно из мира вместе с честью и чистотой. Дар этот, весьма аналогичный дару чистой совести, называется хорощим вкусом. Этот дар С. Л. Франк культивировал в себе совершенно с такой же безоговорочной строгостью и постоянством, с каким некогда Сократ культивировал в себе своего «даймона», того философского и морального ангела-хранителя, который не позволял сдеслать что-либо предосудительное как в области мысли, так и в области практической морали. С. Л. Франк уже потому может быть назван глубоко национальным русским мыслителем, что только одна старая вечная Россия унаследовала от великого элинского гения славу и честь иметь мужей, для которых творчество и учительство есть прежде всего моральное обязательство по отношению к собственной личности.

Что же написано на философских скрижалях С. Л. Франка, каково его философское завещание России и миру?

На этих скрижалях был прежде всего начертан завет всерности хорошему философскому вкусу. Греческий и германский философский гений — вот пеструны громадного философского дара С. Л. Франка. Плотин с его школой новоплатонизма и Николай Кузанский — вот вечные философские спутники автора «Духовных основ общества». Наконец, все это богатейшее наследие элинского и герман-

ского философского гения было у нашего мыслителя осолено «нетленною солью горящих речей» апостола языков великого Павла, образом которого в известном смысле и стал С. Л. Франк. В том смысле, что стал христианским мыслителем на эллинской основе и преимущественно для «эллинов», то есть для людей, прежде всего ищущих «премудрости». В этом смысле он так же, как и о. Сергий Булгаков, был весьма чужд Льву Шестову, всю жизнь боровшемуся с эллинством и «премудростью».

Основная философская страсть, сущность философского эроса и есть страсть познания. Основной философской наукой, поскольку философия есть наука и хочет быть наукой, является теория познания, «гносеология». Когда Пушкин в своей гениальной элегии («Безумных лет угасшее веселье...») говорит:

Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать,

— то это значит, что он объявляет себя философом, ибо «мыслить и страдать» и значит прежде всего жаждать истины, каких бы страданий не стоило удовлетворение этой жажды.

Но «что есть истина»? И возможна ли она? То есть возможно ли соответственное своему предмету (как говорят, «адекватное») обладание предметом знания? И существует ли он, этот «предмет знания», «объект знания» независимо от того, кто его познает, то есть независимо от субъекта? Говоря широко, существует ли независимое абсолютное бытие и что оно, это независимое бытие, «ти эн», как говорят греки (Аристотель)? И как возможна гарантия адекватности в познании абсолютного бытия?

Разрешению этих вечных философских вопросов и была посвящена вся жизнь С. Л. Франка, поистине жизнь мудролюба-философа. Собственным своим примером почивший мыслитель показал, что русская философская мысль стоит в русле вечных философских традиций, и притом на такой высоте, которая вполне дает все права на первый ранг. «Вот наш патент на благородство», — сказал Фет по поводу Тютчева — одного из величайших поэтов-мыслителей в мире. Можно сказать, и С. Л. Франк является таким нашим «патентом на благородство».

Но С. Л. Франк не только вдохновлялся германской философской музой и отправлялся от нее, но, как независимый

мыслитель, он эту музу критиковал. И критиковал ее в том аспекте, который новая философская традиция Германии привыкла считать специфически германским, но в то же самое время общечеловеческим и на все времена установленным. Аспект этот есть кантианство с его новокантианским вариантом. Его еще принято называть критической философией, а также трансцендентализмом. Сама философия С. Л. Франка есть, таким образом, в значительной степени критика критики Канта и определенно восстание против диктатуры кантовой теории познания и всего с этой диктатурой связанного философского духа.

Сущность философии Канта может быть определена как примат, главенство гносеологии (теории познания) над онтологией (над учением о бытии) и, в связи с этим, как примат познания над бытием. Бытие в себе («вещь в себе») признается принципиально испознаваемым, недоступным. А так как всякая метафизика может быть сведена к познанию бытия в себе или «вещи в себе», то отсюда враждебная установка Канта и кантианства против метафизики вообще. В этом должно усмотреть влияние философии «просвещенства». В соединении с враждебной к Платону и всем видам платонизма установкой, что чрезвычайно характерно для всех видов кантианства.

С. Л. Франк же должен быть причислен зараз к самым блестящим русским платоникам — новоплатоновцам и лейбницианцам. Последние насчитывают в своих рядах, кстати, крупнейшие фигуры русской мысли: Радищева, Тейхмюлера (русско-немецкий философ), Козлова, Аскольдова, Лопатина, Челпанова, Шишкина, отчасти Флоренского, Лосского и, наконец, С. Л. Франка. Как в новоплатонизме, так и в родственном новоплатонизму лейбницианстве примат определенно принадлежит бытию и притом определению Божественному. Познание заключается в имманентности, то есть интимной внутренней связи субъекта и объекта знания. Такую точку зрения или такую гносеологию принято называть теперь интуитивизмом. С. Л. Франк, так же как и Н. О. Лосский, являются интуитивистами. Только Лосский более лейбницианец-имманентист, а С. Л. Франк более новоплатонец-трансцендентист, с присоединением к этому влияния гениального мыслителя XV в. Николая Кузанского. Сверх того, оба испытали благодетельное влияние школы Эдмунда Гуссерля, школы научного платонизма. Основной блестящий

труд С. Л. Франка, украшение русской и мировой гносеологии, называется «Предмет знания» (СПб., 1909 г.). Он как раз и посвящен теологии, феноменологии и трансцендентному интуитивизму в теории познания. Сверх того, там дано новое обоснование и подробный исторический очерк онтологического аргумента в пользу бытия Божия. Второе монументальное произведение С. Л. Франка посвящено онтологическому обоснованию теории общества, онтологической социологии. Этот труд называется «Духовные основы общества»; он хотя задуман еще в России, но выполнен и напечатан уже в изгнании. За время между написанием «Предмета знания» и «Духовных основ общества» миросозерцательный путь С. Л. Франка дошел до своего логического завершения и увенчания. Его автор превратился в законченного и мощно вооруженного обоснователя христианской православной метафизики и вообще в одного из величайших православных метафизиков. Философия Логоса превратилась у него в метафизику воплощенного Бога-Слова, абсолютное, конкретное бытие — в пресв. Троицу, а социология и психология — в эклезиологию (учение о Церкви) и в христианскую антропологию. Создалась, таким образом, одна из величайших систем православной христианской метафизики. И только в области учения о грехе и зле С. Л. Франк занимает независимую от церковного учения позицию.

В силу целого ряда причин вполис законченные, закругленные системы с примыкающими к ним отдельными произведениями, разрабатывающими частные философские вопросы в духе системы — явление очень редкое в России. Это, конечно, отнюдь не значит, что русские философы, не имеющие формально завершенных систем в немецком духе, не имеют целостного миросозерцания. Вл. Соловьев, например, не оставил системы, но его философско-метафизическое миросозерцание представляет образец стройности — несмотря даже на очень волнистую линию развития. То же самое надо сказать и о Л. П. Карсавине, о Павле Флоренском, Л. М. Лопатине и др. В сущности, системы после себя остались только три русских мыслителя: Н. О. Лосский, С. Л. Франк и о. Сергий Булгаков; у последнего, впрочем, нельзя говорить о системе философии (хотя у него содержится и она), но надо говорить о системе богословской метафизики. Однако здесь мы сталкиваемся с глубоким внутренним родством систем С. Л. Франка, о. Сергея Булгакова

и отчасти Лосева и Н. О. Лосского, а через о. Сергея Булгакова также и о. Павла Флоренского. Поэтому можно и должно отнести С. Л. Франка к очень характерной и даже центральной, первоосновной идее русской философии новейшего времени — к *идее софиологической метафизики всеединства*. Если же принять во вниманиис, что идея софиологического всес единства имплиците (а отчасти и эксплиците) *содержится в учении св. ап. Павла, именно в откровенной его интуиции панэнтеизма* («Бог всяческая во всем», «всестварность»), то можно сказать, что русская основная идея в метафизике (то есть в том, что составляет существо подлинной философии) есть *свободная рецепция слова Божия*. К этой же линии надо отнести и не оставившего системы, но чрезвычайно богатого и последовательного диалектика и метафизика всес единства — Л. П. Карсавина.

Система философии С. Л. Франка складывается из следующих основополагающих книг: 1) Теория познания — «Предмет знания» (СПб., 1915); 2) Психология — «Душа человека» (СПб., 1918); 3) Социология — «Духовные основы общества» (Париж, 1930); 4) Философия религии — «Непостижимое» (Париж, 1939). Стойкость всей системы С. Л. Франка усугубляется как господством в ней лейтмотива единства знания и бытия, прозвучавшего в предисловии к «Предмету знания», так и тем, что в самой системе конец естественно смыкается с началом, ибо «Непостижимое» творчески варирует «Предмет знания», но так, что в этой заключительной системе «предмет знания» замещается «предметом веры». И это в том смысле, что сама вера становится высшей формой знания. Эту изумительную книгу — одну из лучших в мире философских книг — можно смело назвать «философским путем к духовному небу».

Что сще поражает читателя, искушенного в чтении большой философской литературы, это то, что творения С. Л. Франка нисколько не тускнеют в сиянии славы Плотина и Николая Кузанского — и обратно: после чтения творений С. Л. Франка начинаешь по-новому принимать излюбленных им великих классиков и находить в них новые красоты и глубины. Это также делает почившего великого философа учителем в деле основного условия подлинного философского творчества. Условие это — пребывание в древних традициях и прилежное изучение классиков.